

Глава 6

Ебон заговорил, даже не взглянув на Учана:

— Зачем ты пришёл? Решил, что я могу сказать что-то лишнее?

От его тона веяло холодом, но он так и не решился поднять взгляд, из-за чего его сгорбленная фигура казалась жалкой и беззащитной.

Шумно выдохнув, Учан шагнул ближе.

— Разумеется, нет. Я лучше всех знаю, что ты на такое не способен.

— Не ври. Ты бы не пришёл сюда просто так. Почему ты относишься ко мне как к ничтожеству? — Ебон грубо оттолкнул руку, потянувшуюся погладить его по щеке.

Его лицо покраснелось, слёзы удавалось сдерживать с трудом. Он наконец посмотрел на Учана, даже не пытаясь скрыть горечь и обиду в глазах.

Чон Учан почувствовал себя неудобно, глядя на измученное лицо Ебона, которое он привык видеть спокойным.

— Ебон, я не такой замечательный человек, как ты думаешь. Я тоже сомневался, стоит ли приходить. Ты же знаешь, какие у меня обстоятельства... Мне страшно. Я боюсь потерять всё, чего добился. И потом, у меня не будет времени на тебя, моих сил просто не хватит на всё. Я подумал, что будет честнее прояснить это сейчас, потому что потом будет только больнее. Поэтому я и здесь... Я сожалею о том, что произошло в тот день. И пришёл сегодня не из-за опасения, что ты наговоришь моей маме гадостей. Правда. Ну, ты же меня знаешь?

Договорив, Учан нахмурился. Вид у него был расстроенный.

Ебон растерялся.

Может, он поторопился с выводами? Сейчас он немного успокоился, хотя обида так до конца никуда и не делась.

— ...Так настоящая причина в том, что наши отношения могут испортить тебе репутацию? Только в этом?

— Испортить репутацию? К чему такие слова? Вот когда сам начнёшь жить взрослой жизнью, тогда поймёшь. Зачем ты пытаешься выставить меня каким-то злодеем?

То есть, отрицать Учан не стал... Ебон почувствовал, как внутри него всколыхнулось какое-то другое чувство, гораздо более страшное, чем просто обида.

— Если ты так боишься, мы могли бы просто быть осторожнее. Почему ты всегда думаешь только о себе и забываешь обо мне? Ты мог бы для начала поговорить со мной.

Лицо Чон Учана мгновенно ожесточилось, и Ебон почувствовал, как сердце уходит в пятки.

— Кан Ебон.

— ...

— Ты вообще меня слушал? Я делаю это для тебя. Это ты думаешь только о себе. Я принял это решение после долгих раздумий. Так будет лучше для нас обоих. Ты хоть представляешь, как мне было трудно? И почему ты сам до сих пор не извинился за то, что случилось? Устроить такое представление прямо на улице — это, по-твоему, нормально? Ты понятия не имеешь, как я переживал, что кто-то мог нас увидеть. Ты знал, что я этого опасаюсь. Знал, и всё равно сделал. Если бы ты так не поступил, я бы тебя не ударил. Сколько ещё я должен с тобой нянчиться?

С каждым новым обвинением Ебон сжимался всё сильнее, чувствуя себя преступником. Каждое холодное, тщательно подобранное слово казалось справедливым укором. Однако чем больше он слушал, тем сильнее ему хотелось ударить Учана.

Ебон молчал, только его тело продолжало мелко подрагивать. Вздохнув, Учан прижал ладонь ко лбу.

— Слушай, Ебон, я пришёл сюда не для того, чтобы ссориться. Почему ты в последнее время всё усложняешь? Перестань выставлять меня виноватым. Мы уже не дети, чтобы так себя вести. Я хочу разойтись по-хорошему, неужели это так трудно понять?

Ебон стиснул челюсть так, что зубы заныли.

Неужели он и вправду во всём виноват? Неужели он разрушает чужую попытку закончить отношения достойно?

Ебон хотел возразить, но слова не шли.

— ...Сегодня мы ни до чего не договоримся. Твоя мама волнуется. Приведи себя в порядок и возвращайся.

Даже не оглянувшись, Учан ушёл, оставив его одного.

Ебон не мог понять, что за неконтролируемые, разрушительные эмоции захлестнули его с головой. Всё, что он мог — медленно и глубоко дышать, пытаясь справиться с охватившим его смятением.

Одно ему было известно точно: их отношениям с Чон Учаном пришёл конец.

Ча Хёк был странным.

Сначала он вёл себя так, будто готов растрезвонить на всю округу, что Ебон гей, если тот не сядет с ним рядом на лекции. Но потом наступала среда, и ему, казалось, было совершенно всё равно, где сидит Ебон. Он даже не заговаривал с ним — только слегка кивал, когда тот заходил в аудиторию.

Не в силах понять, что у Ча Хёка на уме, Ебон и сам начал ходить вокруг него кругами.

Шла четвёртая неделя занятий. На сей раз Ебон уселся так, чтобы хорошо видеть Ча Хёка — для этого нужно было лишь слегка повернуть голову. Ча Хёк поднял руку с раскрытой ладонью вверх — начиная с прошлой недели он даже махать ему перестал.

Ебона эта лекция раздражала, раздражали эти дурацкие рефераты, в которых он не видел смысла. А если добавить к этому списку болезненное расставание и предательство человека, которому он доверял, то каждый день для Ебона был пыткой. Присутствие Ча Хёка ещё больше всё усложняло.

Когда Ебон не ответил на его приветствие, Ча Хёк нахмурился, склонив голову набок. Лёгкая улыбка, которая, казалось, всегда появлялась на его лице при взгляде на Ебона, исчезла без следа.

«Я влип».

Он только сейчас осознал, как грубо себя вёл. Но было уже поздно.

В тишине аудитории скрежет отодвигаемого стула прозвучал оглушительно громко. Вздвогнув, Ебон покосился в сторону и заметил, что Ча Хёк поднялся с места.

«Пожалуйста, только не рядом. Пусть пройдёт мимо, пусть сядет куда угодно, только не рядом...»

Ебон молился изо всех сил, но Ча Хёк без тени сомнения плюхнулся на стул рядом с ним.

Сердце забилося быстро-быстро. Он сидел, боясь пошевелиться, и глядел на светло-бежевую парту. Вдруг перед глазами возникла грубая ладонь. Ебон вздрогнул.

— У тебя что-то болит?

Если ответить «нет», Ча Хёк сделает так, что заболит? Тогда, наверное, лучше сказать «да».

«С чего его вообще интересует моё самочувствие?»

Не зная, на что решиться, Ебон повернул голову и, заикаясь, пробормотал:

— 3-зачем вы сюда с-сели?..

Ча Хёк слабо улыбнулся и подпёр щеку рукой.

— У тебя на лице было написано, что ты хочешь, чтобы я сел рядом.

Такого ответа Ебон не ожидал, но зато можно было слегка расслабиться — по крайней мере, на угрозу это не было похоже.

— ...Когда это на моём лице было такое написано?

Он разжал кулаки, которые, оказывается, успел крепко стиснуть, и выложил на стол тетрадь и пенал. Ча Хёк, протянув руку, взял из пенала трёхцветную ручку.

«Он что, просто ручку пришёл попросить?»

Потом тот начал что-то черкать на полях учебника, но что именно и на корейском ли вообще языке, разобрать было трудно. Заинтригованный, Ебон вытянул шею, пытаясь разглядеть получше, но широкая ладонь загораживала обзор. Вскоре Ча Хёк закончил и придвинул учебник к Ебону.

Это была не надпись, а рисунок — такой корявый, что любой первоклашка справился бы лучше.

Ебон нахмурился. Присмотрелся внимательнее.

«Клоун... плачущий кровавыми слезами?»

Рисунок был жутковатым.

— ...Что это?

— Это ты.

Ебон почувствовал, как по позвоночнику побежали мурашки.

«Этот жуткий клоун с красными глазами — я?..»

«У тебя на лице написано, что ты хочешь со мной подружиться. Но я не так прост», — в ушах прозвучал леденящий душу голос; эту фразу Ча Хёк произнёс в прошлый раз в кафе, когда заметил, что Ебон нагло пялится на него.

Ебон провёл рукой под глазами и отодвинулся, увеличивая между ними расстояние.

— ...Это угроза выколоть мне глаза?

— Чего?

Ча Хёк склонил голову, словно спрашивая, что за чушь он несёт. Потом, кажется, понял и ткнул пальцем в рисунок.

— Это слёзы. В ручке синие чернила закончились.

Только тут Ебон сообразил, какую ручку взял Ча Хёк. Ту самую, в которой он собирался заменить синий стержень, но всё время забывал, потому что редко пользовался.

Теперь, когда тот объяснил, и правда стало больше похоже на плачущего клоуна.

«Кому может прийти в голову рисовать слёзы красным цветом, пусть даже синие чернила закончились?»

Ебон засомневался, не врёт ли Ча Хёк, чтобы его успокоить. Но зачем врать из-за такой ерунды? Он неуверенно кивнул.

— Так зачем вы на самом деле пересели ко мне?

— Потому что каждый раз, как мы встречаемся на лекции, ты смотришь на меня вот так, — Ча Хёк снова указал на рисунок.

Ебон, совершенно сбитый с толку, не успел ответить — в аудиторию зашёл профессор.

Но разве он смотрел со слезами на глазах? Он смотрел сердито...

Во время нудной лекции Ебон украдкой поглядывал на Ча Хёка. Удивительно, но тот, казалось, внимательно слушал. На полях учебника были видны какие-то каракули — наверное, заметки по теме лекции. И, что самое поразительное, он ни разу не прикоснулся к Ебону и не заговорил с ним.

«И всё равно, как ни взгляни на него, он похож на бандита».

Не мог он посещать университет только ради учёбы.

Ебон задумался: не слишком ли он предвзят? Внешний вид ещё ни о чём не говорит. Ведь он не знал о Ча Хёке ровным счётом ничего. Даже возраст — и тот был загадкой. Ему было известно только имя и факультет.

Иногда от Ча Хёка исходила угроза, но он никогда не ругался и не лез в драку. Возможно, он не такой уж и страшный. Может, он обыкновенный человек, поступивший в университет чуть позднее обычного, просто внешность у него нестандартная?

«И шрам на брови тоже мог появиться по какой-нибудь ерундовой причине».

Ебон уставился на длинный тонкий рубец, пересекающий густую бровь. Шрам выглядел старым, и трудно было угадать, чем была нанесена рана. Он мог только предположить, что было чертовски больно.

«Интересно, какой он на ощупь».

Эта мысль мелькнула в голове, пока он разглядывал повреждённую кожу. А потом, словно почувствовав что-то, он перевёл взгляд.

Тёмные пронизательные глаза смотрели прямо на него.

Пойманный с поличным, Ебон быстро уставился в сторону кафедры. Сердце колотилось где-то в горле. Только сейчас до него дошло, что он откровенно пялился.

Краем глаза он заметил, что Ча Хёк наклонился и что-то пишет. Послышался лёгкий треск рвущейся бумаги, и листок с неровными краями оказался прямо перед Ебоном:

» [Ча Хёк: Как насчёт тортика?]

Переводчик и редактор: Green_Apelsin

<http://bllate.org/book/14733/1618859>